

К. К. Арсеньев

**Главные деятели и предшественники
судебной реформы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
К11

К11 **К. К. Арсеньев**
Главные деятели и предшественники судебной реформы / К. К. Арсеньев – М.: Книга по Требованию, 2015. – 92 с.

ISBN 978-5-458-55162-5

ISBN 978-5-458-55162-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

20-го Ноября 1904-го года исполнится сорокъ лѣтъ со дня изданія судебныхъ уставовъ Императора Александра II-го. Время не уменьшило значенія этого законодательнаго акта, не затмило славы его вдохновителей. «Свѣтлѣй и ярче перваго разсвѣта» горитъ ореолъ, окружающій великую реформу. Возведенное ею зданіе не осталось неприкосновеннымъ—но тѣмъ живѣе чувствуется, тѣмъ выше цѣнится его первоначальная стройность. Съ восторженнымъ удивленіемъ вспоминаются имена людей, рѣшительно и смѣло положившихъ конецъ хаосу и тѣмъ старыхъ судебнымъ порядковъ *). Право на благодарную память имѣютъ и тѣ, кто еще раньше поднялъ край завѣсы, сотканной канцелярскою тайной и прикрывавшей царство безправія и ябеды.

Неправосудіе, во всѣхъ его видахъ и со всѣми его послѣдствіями, было завѣщано московскою Русью Петровской Россіи и дожило, въ едва смягченной формѣ, до второй половины XIX-го вѣка. «Всѣе законы писать, когда ихъ не хранить или ими играть какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и еще есть, и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды». Напрасно эти образныя, сильныя слова красовались на зеркалѣ, поставленномъ, по повелѣнію ихъ автора, на столѣ, за которымъ засѣдалъ судъ. Можно было подумать, что указанный въ нихъ кривой путь—не тотъ, котораго должны избѣгать судьи, а тотъ, котораго они вправѣ держаться: до такой степени процвѣтала «игра» законами, до такой степени страдала отъ «минъ» корысти и произвола «фортеція правды». Обычай, взлелѣянный вѣками, пережилъ крутыя мѣры Петра, просвѣтительныя наставленія Екатерины, благожелательныя намѣренія Александра, суровыя приказанія Николая I, севастопольскую эпопею—и дошелъ невредимымъ до крушенія всего до-реформеннаго строя. Гоголь имѣлъ передъ собою тотъ самый судейскій міръ, который, почти полустолѣтіемъ раньше, былъ изображенъ Капнистомъ. Въ сороковыхъ годахъ его напелъ такимъ же Аксаковъ, въ пятидесятыхъ—Салтыковъ; тогда же весь его ужасъ испыталъ на себѣ Сухово-Кобылинъ. Сводъ Законовъ, на который возлагались сначала большія надежды, сдѣлался, въ опытныхъ рукахъ, такой-же «колодой картъ», какою были до него разрозненные указы; неприступность его, какъ «фортеціи», оказалась совершенно мнимой. Ничто, очевидно, не могло смягчить застарѣлое зло: его необходимо было вырвать съ корнемъ. Поставить и разрѣшить эту задачу можно было только при подъемѣ общественныхъ силъ, не знающемъ ни непреодолимыхъ препятствій, ни сомнѣній въ успѣхѣ. Повторилось то, что много разъ, при аналогичныхъ условіяхъ, наблюдалось и въ Россіи, и въ другихъ государствахъ: для крупнаго дѣла нашлись крупные люди. Исторія освобожденія крестьянъ и судебного преобразованія служить, съ этой точки

*) Въ составъ настоящей «Галлерей» вошли, по понятнымъ причинамъ, только умершіе участники реформы.

зрѣнія, отраднымъ предзнаменованіемъ для будущаго. Какія бы трудныя минуты ни предстояли русскому обществу, изъ его среды—въ этомъ можно быть твердо увѣреннымъ—явятся новые Милютины и Самарины, новые Зарудные и Ровинскіе, и вторая «эпоха великихъ реформъ», когда она наконецъ наступить, не останется позади первой.

Судебная реформа не встрѣтила такого упорнаго, ожесточеннаго противодѣйствія, съ какимъ пришлось считаться освобожденію крестьянъ. Необходимость ея чувствовалась, въ большей или меньшей степени, всѣми; ничьихъ интересовъ она, повидимому, прямо не нарушала, да и энергія партіи застоя была исчерпана, на время, только что окончившеюся борьбою за крѣпостное право. Графъ Д. Н. Блудовъ, отъ котораго до тѣхъ поръ исходила инициатива полумѣръ, призналъ, если не активно, то пассивно, неизбежность полнаго разрыва съ единодушнo осужденнымъ прошлымъ. Быстро установленныя и провозглашенныя во всеобщее свѣдѣніе, основныя положенія 1862-го года устранили возможность дальнѣйшихъ колебаній. Прочность фундамента способствовала безостановочному и правильному ходу постройки. Никогда еще законодательная работа не приводила, въ столь короткое время, къ столь блестящимъ результатамъ. Съ одинаковой вѣрой и одинаковой любовью относились къ ея задачамъ и непосредственные ея исполнители, и тѣ, отъ кого зависѣла критическая ея повѣрка. Ничто не нарушало гармоніи, столь рѣдкой въ нашей государственной жизни. Рука объ руку шли и вѣдомства (Государственная Канцелярія, Второе Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи, Министерство Юстиціи), и отдѣльныя дѣятели. Различія въ умственномъ складѣ и въ характерѣ дарованій не мѣшали, а наоборотъ, благопріятствовали успѣху. Теоретики и систематики (Зарудный, Буцковскій) не расходились съ знатоками судебныхъ порядковъ (Стойновскій, Ковалевскій) и народной жизни (Ровинскій). Этюды А. О. Кони показываютъ наглядно, какую роль дружное соединеніе разнородныхъ силъ сыграло, напримѣръ, въ вопросѣ о судѣ присяжныхъ: подходя къ нему съ разныхъ сторонъ Зарудный, Ровинскій и Буцковскій доставили торжество рѣшенію, смѣлость котораго незадолго предъ тѣмъ казалась граничащею съ дерзостью. Наиболѣе характерной чертой составителей судебныхъ уставовъ была именно послѣдовательность, чуждая уступокъ и компромиссовъ. Несмѣняемость судей, безповоротность окончательныхъ судебныхъ рѣшеній, гласность и устность процесса, самостоятельность адвокатуры, свобода защиты, отдѣленіе судебной власти отъ административной, участіе общества въ отправленіи правосудія—все эти краеугольные камни нормально организованнаго суда были заложены во всей ихъ цѣлости, во всемъ ихъ объемѣ, безъ урѣзокъ и робкихъ приспособленій. Результатъ реформы оправдалъ и широту ея замысла, и прямолинейность исполненія: созданные ею судебныя порядки скоро заставили забыть дурную славу стараго суда и сдѣлались однимъ изъ лучшихъ украшеній обновленной русской жизни.

Исключительное сочетаніе условій, благодаря которому могла состояться во всей полнотѣ судебная реформа, продолжалось недолго. Задѣтыя ею учрежденія, группы и лица подняли противъ нея агитацію, повлекшую за собою сначала сравнительно небольшія передѣлки, потомъ большую медленность въ расширеніи сферы дѣйствій судебныхъ уставовъ и, наконецъ, существенно важныя отступленія отъ основныхъ началъ преобразованія. Когда, десять лѣтъ тому назадъ, предпринять было пересмотръ судебныхъ уставовъ, въ видахъ согласованія ихъ текста съ многочисленными новеллами, онъ привелъ къ дальнѣйшимъ шагамъ назадъ, до сихъ поръ къ счастью, только проектированнымъ, но не осуществленнымъ. Бодше чѣмъ когда-либо, поэтому, своевременно воскресить въ памяти русскаго общества образы глав-

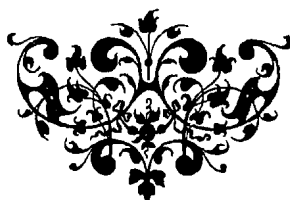
ныхъ дѣятелей судебной реформы и, вмѣстѣ съ ними, настроеніе ея первыхъ дней незабвенныхъ для жившихъ тогда сознательною жизнью, но мало знакомыхъ позднѣйшимъ поколѣніямъ. До очевидности яснымъ станетъ тогда печальное значеніе перемѣнъ, которыя принесло съ собою истекшее сорокалѣтіе. Нарушено единство суда, функціи котораго въ значительной мѣрѣ перешли къ органамъ административной власти. Выборный мировой судъ замѣненъ назначенными земскими начальниками. Роль кассационнаго суда, по отношенію къ главной массѣ судебныхъ дѣлъ, раздѣлена между многочисленными коллегіями, въ которыхъ судебный элементъ представленъ до крайности слабо. Сфера дѣйствій суда присяжныхъ значительно сужена, съ соответственнымъ расширеніемъ сферы дѣйствій суда съ сословными представителями. Поколеблена въ своихъ основахъ несмѣняемость судей. На цѣлыхъ три десятилѣтія приостановлена корпоративная жизнь адвокатуры въ большей части судебныхъ округовъ. Гласность процесса поставлена въ зависимость отъ усмотрѣнія высшей судебной администраціи. Параллельно съ законами измѣнились и нравы: ослабло если не сознаніе служебнаго долга, въ судебномъ вѣдомствѣ все еще стоящее сравнительно высоко, то сознаніе ответственности передъ обществомъ и народомъ; померкла преданность великимъ идеямъ, внушившимъ реформу. Ничего, однако, не испорчено безнадежно: съ помощью удѣлѣвшихъ устоевъ нетрудно возстановить остальные и не только возвратиться къ традиціямъ 60-хъ годовъ, но и возобновить недоконченную тогда работу. Не всѣ предположенія составителей судебныхъ уставовъ получили силу закона; не все вошедшее въ уставы оказалось отвѣчающимъ своему назначенію. Существенныхъ поправокъ и дополненій требуютъ напримѣръ, постановленія о предварительномъ слѣдствіи... Привести къ желанной цѣли новый пересмотръ судебныхъ уставовъ можетъ только при обстановкѣ, напоминающей время ихъ составленія — только какъ часть цѣлаго цикла преобразованій, продолжающихъ и завершающихъ великія реформы Императора Александра II.

К. Арсеньевъ.

Содержаніе.

Предисловіе, <i>К. К. Арсеньева</i> .	СТР.
ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II, какъ участникъ въ судебной реформѣ. Очеркъ <i>Н. В. Давыдова</i> .	1
ГРАФЪ ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ БЛУДОВЪ, какъ авторъ первоначальныхъ проектовъ судебного преобразованія. Очеркъ <i>В. П. Ширкова</i> . съ фототипіей.	4
СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ ЗАРУДНЫЙ. Очеркъ почетнаго академика <i>А. Θ. Кони</i> . съ фототипіей.	8
ДМИТРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РОВИНСКІЙ. Очеркъ почетнаго академика <i>А. Θ. Кони</i> . съ фототипіей.	15
НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ СТОЯНОВСКІЙ. Очеркъ почетнаго академика <i>А. Θ. Кони</i> . съ фототипіей.	27
НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧЪ БУЦКОВСКІЙ. Очеркъ почетнаго академика <i>А. Θ. Кони</i> . съ литографиров. портретою.	33
ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ЗАМЯТНИНЪ. Очеркъ почетнаго академика <i>А. Θ. Кони</i> . съ литографиров. портретою.	36
МИХАИЛЬ ЕВГРАФОВИЧЪ КОВАЛЕВСКІЙ. Очеркъ почетнаго академика <i>А. Θ. Кони</i> .	41
КНЯЗЬ НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ОРЛОВЪ. Очеркъ <i>А. Г. Тимофеева</i> . съ литографиров. портретою.	43
ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КАПНИСТЪ. Очеркъ <i>Е. А. Ляцкого</i> .	45
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. Очеркъ <i>С. С. Хрулева</i> . съ фототипіей.	49
ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ АКСАКОВЪ. Очеркъ <i>В. Д. Набокова</i> . съ фототипіей.	53
МИХАИЛЬ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ. Очеркъ <i>К. К. Арсеньева</i> . съ фототипіей.	58

Императоръ Александръ II,

какъ участникъ въ судебной реформѣ.

Н. В. Давыдова.

Въ исторіи русскаго государства было немало примѣровъ реформаторской дѣятельности его правителей; достаточно вспомнить время Петра I и всю ломку, произведенную его несокрушимой энергіей въ государственномъ организмѣ. Благодаря его усиліямъ и выдающимся способностямъ, Россія при немъ создавалась въ могущественную военную державу, приобрѣла вѣсъ въ Европѣ. Внутренняя народная жизнь переустраивалась Петромъ тоже по всѣмъ отраслямъ ея; но это внутреннее переустройство, вызывавшееся желаніемъ дать Россіи порядокъ, просвѣщеніе и законность, не было проникнуто тѣмъ исключительно гуманнымъ духомъ, которымъ отличались всѣ реформы Александра II. Петръ стремился къ достиженію силы, но внѣшней и средствами внѣшними, безъ единенія съ духовными и правовыми потребностями и взглядами русскаго общества того времени. Въ результатъ многія нововведенія и мѣры Петра еще при немъ утратили свое значеніе (напримѣръ указъ его о единонаслѣдіи) и не привились вовсе къ народной жизни, другія же были отиѣнены и замѣнены его преемниками и не оставили по себѣ даже слѣда; удержалось лишь военное и до нѣкоторой степени административное устройство, данное имъ Россіи. Не таковы были реформы Александра II: не ограничиваясь переустройствомъ механизма государственнаго управленія, онъ шлъ въ глубь народной жизни, впервые создавалъ нормы правового существованія народонаселенія, давали удовлетвореніе назрѣвшимъ потребностямъ и хотя также вели къ укрѣпленію государства, но путемъ призванія народныхъ силъ къ сознательному развитію, притомъ мѣрами не принудительными, согласными съ воззрѣніями лучшей части общества. Реформы царствованія Александра II не подлежатъ «отмѣнѣ и забвенію»: онѣ вошли въ плоть и кровь русскаго народа, безъ нихъ Россія уже не можетъ существовать. Нельзя отмѣнить данную Государемъ свободу и ввести вновь крѣпостное право; немислимо иной порядокъ набора войскъ, какъ путемъ общей воинской повинности; немислимо отнять у суда его самостоятельности и уничтоженіе института присяжныхъ засѣдателей; невозможно обойтись безъ мѣстнаго самоуправленія. Преобразовательная дѣятельность Александра II, въ своей замѣчательной послѣдовательности и стройности, дала основаніе для всѣхъ будущихъ

реформъ, которыя надлежатъ лишь, не отклоняя ихъ отъ даннаго имъ Царемъ-Освободителемъ направленія, вести дальше въ томъ же духѣ.

Уже въ началѣ царствованія Александра II, въ то самое мгновеніе, какъ замолкъ, по волѣ Императора, воинственный громъ пушекъ и Государю была наконецъ дана возможность обратить свои заботы на внутреннее состояніе Россіи, имъ была, въ манифестѣ о прекращеніи войны, очерчена программа будущей его дѣятельности. Въ манифестѣ было сказано: «при помощи Небеснаго Промысла, всегда благоудѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется въ внутреннее благоустройство; *правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея*; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, *подъ стѣною законовъ для всѣхъ равно справедливыхъ*, равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ непинныхъ».

Отъ этой программы Александръ II не отступалъ во все время своего царствованія. Его личной заслугой было то, что реформы осуществились въ полномъ своемъ объемѣ, не ограничиваясь частичными исправленіями, какъ это часто бывало раньше. Не было, въ ближайшей къ Государю средѣ и внѣ ея, недостатка въ совѣтахъ умалить такъ или иначе значеніе вводимыхъ реформъ, не лгди столь прямымъ путемъ впередъ, а слѣдовать правиламъ осторожной постепенности; не было недостатка и въ противодѣйствіи всевозможными способами задуманнымъ Государемъ преобразованіямъ. Не легко было Государю лгди перѣдко противъ ближайшихъ къ нему теченій «одному», какъ ему приходилось выразиться по поводу основанія крестьянъ.

Гуманность и мягкость, законность и справедливость, — черты, снзавніеся столь опредѣленно въ созданномъ при Александрѣ II новомъ судѣ, — были присущи Государю еще въ ранней молодости, составляли характерную особенность духовной личности его, и были умѣло развиты воспитателемъ его В. А. Жуковскимъ, имѣвшимъ сильное вліяніе на своего воспитанника. Въ составленной Жуковскимъ запискѣ о воззрѣніяхъ своихъ на способъ, цѣль и планъ воспитанія наслѣдника престола педагогъ говоритъ: «*уважай законъ... люби и распространяй просвѣщеніе, оно — сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти...*

Уважаю общее мнѣніе, — оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха... *Люби свободу, то есть правосудіе*, ибо въ немъ и милосердіе царей, и свобода народовъ; свобода и порядокъ — одно и то же... Имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго». Непосредственнымъ проявленіемъ указанныхъ нами свойствъ Цесаревича Александра было его ходатайство передъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, во время его путешествія по Сибири, о смягченіи участи ссыльныхъ поселенцевъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ декабристовъ. Вспарившись, Александръ II помиловалъ государственныхъ преступниковъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія и сосланныхъ въ Сибирь по дѣламъ о декабристахъ и о Петрашевцахъ.

Свѣдѣнія о выдающемся значеніи для государства суда и процесса Цесаревичъ Александръ Николаевичъ почерпнулъ изъ уроковъ Сперанскаго, занимавшагося съ нимъ звконовѣдѣніемъ и практическимъ судопроизводствомъ. По окончаніи теоретическаго образованія Наслѣдникъ престола былъ и практически ознакомленъ съ внутреннимъ положеніемъ Россіи и съ движеніемъ дѣлъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, путемъ нѣсколькихъ путешествій по Россіи и назначеніемъ присутствовать въ названныхъ учрежденіяхъ, между прочимъ и въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ одномъ изъ засѣданій Государственнаго Совѣта, какъ о томъ свидѣлствуется въ своихъ запискахъ баронъ Корфъ («Русская Старина» 1899 г., № 10), Цесаревичу пришлось лично убѣдиться въ ужасномъ состояніи и беззаконной дѣятельности существовавшихъ тогда судовъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ, въ присутствіи Наслѣдника, была доложена ревизія, произведенная петербургскому надворному суду и обнаружившая цѣлый рядъ неслыханныхъ злоупотребленій. По свидѣтельству барона Корфа, на Наслѣдника докладъ объ этой ревизіи произвелъ глубокое впечатлѣніе: «слушая докладъ съ напряженнымъ вниманіемъ, онъ безпрестанно мѣнялся въ лицѣ»... Непригодность нашего тогдашняго судопроизводства и судопроизводства, неудовлетворительная дѣятельность судовъ всѣхъ категорій были не только очевидны всему обществу и непосредственно ощущались лицами, имѣвшими дѣло до суда, особливо же людьми низшаго состоянія, но были признаны и правительствомъ, которое, начиная съ сороковыхъ годовъ, заботилось объ улучшеніи нашего процесса. Еще при Николаѣ I былъ учрежденъ (въ 1850 и 1852 гг.), при второмъ отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, вождъ предсѣдательствомъ графа Влудова, комитетъ для составленія проектовъ уставовъ уголовного и гражданского судопроизводства. Работы этого комитета, на успѣшность и производительность которыхъ едва ли, въ виду общаго направленія тогдашней законодательной дѣятельности, можно было рассчитывать, далеко еще не завершились, когда въ 1855-мъ году воспослѣдовало восшествіе на престолъ Императора Александра II.

Вскорѣ, подъ всемірнымъ вліяніемъ охватившаго лучшую часть общества и представителей власти преобразовательнаго движенія, во главѣ котораго сталъ самъ Государь, законодательныя работы оживились и приняли совсѣмъ другое направленіе, отличное отъ прежней кодификаціонной системы съ частичными и робкими перемѣнами, остававшимися въ силѣ коренные недостатки пересматривавшихся учрежденій. Комитетъ графа Влудова съ 1856 по 1860 годъ составилъ проекты судебныхъ уставовъ, принявшіе такіе положенія, какъ публичность, состязательность, защита и т. п., безъ допущенія, однако, института присяжныхъ заседателей. Работамъ Влудовскаго комитета не суждено было обратиться въ законъ. Въ 1861-мъ году Государь, ознакомив-

шись, по докладу государственнаго секретаря Буткова съ существомъ названныхъ проектовъ и съ ходомъ работъ государственной канцеляріи, согласился съ мнѣніемъ докладчика о томъ, что проекты уставовъ недостаточно между собою согласованы и что предвѣрительно приступа къ законодательной ихъ санкціи надлежало-бы извлечь изъ нихъ основныя начала проектируемаго новаго судопроизводства и судопроизводства. На основаніи этого Высочайшаго соизволенія къ государственной канцеляріи были прикомандированы юристы — Буцковский, Стояновскій, Ровинскій, Побѣдоносцевъ, Плавскій, — а руководство работами перешло фактически отъ гр. Влудова къ Буткову и его сотрудникамъ, между которыми первое мѣсто занималъ С. И. Зарудный. Комиссіей этой въ 1862 г. было Высочайше повелѣно «изложить въ общихъ чертахъ соображенія государственной канцеляріи и прикомандированныхъ къ ней юристовъ о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукой и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи». «Главныя начала» были, при энергичномъ содѣйствіи приглашенныхъ юристовъ, быстро извлечены изъ проектовъ гр. Влудова, съ присоединеніемъ къ нимъ и новыхъ положеній (судъ присяжныхъ). Уже въ Сентябрѣ 1862-го года они были утверждены Государственнымъ Совѣтомъ и затѣмъ опубликованы во всеобщее свѣдѣніе — приемъ тогда новый, не имѣвшійся еще у насъ въ технику законодательнаго дѣла, но вызвавшій большое оживленіе въ обществѣ и представленіе въ государственную канцелярію большого количества замѣчаній на «основныя начала». По Высочайшему утвержденію основныхъ положеній была образована особая комиссія для составленія, на точномъ основаніи этихъ положеній, судебныхъ уставовъ. Комиссія, раздѣлившаяся на три секціи — гражданскую, уголовную и судопроизводства, — въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ успѣла создать проекты судебныхъ уставовъ, снабдивъ ихъ подробною объяснительной запиской. Въ Декабрѣ 1863 г. проекты поступили въ Государственный Совѣтъ, который 2 Октября 1864 г. окончилъ разсмотрѣніе ихъ, внесъ въ нихъ лишь незначительныя измѣненія, а 20 Ноября уставы были Высочайше утверждены и получили силу закона. «Мы находимъ — сказано было при ихъ опубликованіи, — что они вполне соответствуютъ *желанію Нашему* водворить въ Россіи *судъ скорый, правый, милостивый, равный* для всѣхъ подданныхъ Нашихъ, *возвѣститъ судебную власть*, дать ей надлежащую *самостоятельность* и вообще *утвердить* въ народѣ *то уваженіе къ закону*, безъ кого невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго». Всенародно, такимъ образомъ, былъ объявленъ личный взглядъ Государя на великое значеніе суда, какъ охранителя законныхъ правъ всѣхъ и каждаго, на самостоятельное и независимое положеніе его въ государствѣ и вообще на новыя, но уже признанныя наукой непреложныя начала, положенныя въ основу созданнаго уставами судопроизводства и судопроизводства (гласность, состязательность, равноправность, выборный судъ, несмѣняемость судей и т. д.). Государь исполнилъ обѣщанное имъ въ полной мѣрѣ, и судебный кодексъ 20-го Ноября 1864 года, созданный по Его инициативѣ и въ согласіи съ Его волею, является собою и понынѣ одинъ изъ совершеннѣйшихъ законодательныхъ актовъ, отвѣчая и по главнымъ началамъ своимъ, и въ подробностяхъ, требованіямъ справедливости, человѣчности и дѣлесообразности. Уже одного этого кодекса, которому съ полнымъ основаніемъ присвоено

именование Судебных Уставов Императора Александра II, достаточно для права на благодарную память потомства, не перестающего черпать из великаго законодательнаго памятника не старѣющія этическія начала и пониманіе требованій человѣколюбія въ примѣненіи хотя-бы и суровыхъ нормъ уголовного законодательства. Въ этомъ актѣ воплотились лучшія духовныя качества Императора Александра II.

Хотя судебныя уставы подверглись, съ теченіемъ времени, частичнымъ измѣненіямъ, но утвержденныя Императоромъ Александромъ Николаевичемъ еще въ 1861 г. «главныя основанія» нашего судостроительства и судопроизводства и теперь могутъ быть начертаны на фронтоны зданія судебныхъ установленій. Составители уставовъ, поставленные одобреніемъ ихъ работъ со стороны Государя въ исключительно выгодныя для законодательной дѣятельности условія, создали кодексъ не предвзято, безъ искусственнаго проведенія въ немъ тѣхъ или иныхъ временныхъ и преходящихъ тенденцій, безъ опасенія вызвать работой своей недовольство какого-либо общественнаго класса или отдѣльных, но имѣющихъ особый вѣсъ, лицъ: они руководствовались исключительно дѣйствительною необходимостью, выводами свободной науки, примѣрами западно-европейскаго законодательства и нашимъ историческимъ прошлымъ. Благодаря этимъ условіямъ и выдающейся талантливости и духовной одаренности создателей уставовъ, былъ призванъ къ жизни кодексъ, стоящій, какъ то и надлежитъ судебнымъ уставамъ, внѣ условій того или иного политическаго режима, пригодный къ примѣненію, благодаря его строгой объективности и неоспоримости, вѣчности его общечеловѣческихъ принциповъ, и при сиюминутномъ теченіи государственной жизни, и въ моменты болѣе или менѣе остраго общественнаго движенія. Судебныя уставы поставили судъ на надлежащее мѣсто, внѣ всякихъ партій, оградили его отъ посторонняго воздѣйствія и не допустили его стать орудіемъ какой-либо общественной группы. Перечисленные качества уставовъ придали судебной реформѣ Александра II законченность и создали дѣющуюся и понынѣ популярность ея.

17 Апрѣля 1866 года состоялось открытіе въ С.-Петербургѣ первыхъ судебныхъ установленій, созданныхъ по новымъ уставамъ. Еще раньше, 14 Апрѣля, Государь лично посѣтилъ вновь отдѣланное зданіе Судебной Палаты и Окружнаго Суда и обратился къ собранному тамъ только что назначенному составу судебныхъ дѣателей съ слѣдующими словами: «Я надѣюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вамъ довѣріе и будете исполнять новыя ваши обязанности добросовѣстно, по долгу чести и вѣрноподданнической присяги, что впрочемъ одно и то же. Итакъ, въ добрый часъ: начинайте благое дѣло».

Новый судъ, по свидѣтельству современниковъ, вскорѣ

приобрѣлъ довѣріе и расположеніе всего населенія, благодаря въ особенности дѣятельности первыхъ мировыхъ судей, тѣсное разбирательство которыми многочисленныхъ дѣлъ, хотя и мелкихъ, но наиболѣе живо затрагивающихъ повседневныя интересы обывателей, убѣдило населеніе, что въ лицѣ избранныхъ имъ самихъ судей оно дѣйствительно нашло возвыщенный съ высоты престола судъ «скорый, правый и милостивый», равный для всѣхъ. Нарушенія закона, обиды, насилія, учиненныя хотя-бы «сплынами міра сего», прежде остававшіяся безъ послѣдствій, встрѣчали немедленно справедливое возмездіе въ приговорахъ мировыхъ судей, благодаря которымъ, а также присяжнымъ засѣдателямъ и первымъ судебнымъ слѣдователямъ, въ народѣ даже забыли о томъ, что еще столь недавно «взятка» царилъ въ судахъ, была однимъ изъ почти неизбѣжныхъ способовъ добиться желательнаго судебнаго рѣшенія.

Репутация непокупности, закономѣрности, нелицепріятія утвердилась за дѣателями суда, въ противоположность заслужившимъ справедливое презрѣніе общества юристамъ-крючкотворамъ дореформеннаго суда, и сохранилась до нашихъ дней. Такое отрадное положеніе достигнуто не столько выдающимися личными качествами судей, сколько образовательнымъ и просвѣщающимъ вліяніемъ судебныхъ уставовъ Александра II, постоянное общеніе съ которыми, вѣра въ которые облагораживаетъ примѣняющаго ихъ и среднему человѣку помогаетъ подняться до значительной нравственной высоты и чистоты въ отправленіи обязанностей, указанныхъ въ этой настольной книгѣ каждаго судебнаго дѣателя.

О томъ, какъ вѣрно были поняты и охраняемы Александромъ II основы судебныхъ уставовъ, провозгласившихъ полное отдѣленіе власти судебной отъ исполнительной и законодательной, свидѣтельствуетъ фактъ, занесенный въ «Дневникъ» академика Никитенко. Бывшій въ 1867-мъ году министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ, недовольный тѣмъ, что присяжные засѣдатели, признавъ невѣроятнымъ преданнаго суду за оскорбленіе дѣйствіемъ вице-директора одного изъ департаментовъ чиновника Протопопова, оправдали его, добиваясь отмены приговора, во не могъ склонить къ тому Государя. Такое же значеніе имѣетъ разсказъ одного изъ первыхъ дѣателей новаго суда П. Н. Обнянскаго («Первый банковый крахъ») о томъ, какъ въ 1876-мъ году, во время слѣдствія по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Московскомъ ссудно-коммерческомъ банкѣ («Струберговскій процессъ»), когда Наслѣдникомъ было доложено Государю относившееся къ этому процессу ходатайство, Государь отиѣтилъ: «это дѣло суда и не намъ съ тобой въ него вмѣшиваться». Иного отношенія и нельзя было ожидать отъ творца судебныхъ уставовъ.

Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ,

какъ авторъ первоначальныхъ проектовъ судебного преобразованія.

В. П. Ширкова.

1.

ДМИТРІЙ Николаевичъ Блудовъ родился 5 апрѣля 1785 года въ родовомъ селѣ Романовѣ, Владимірской губерніи. Еще въ раннемъ дѣтствѣ онъ лишился отца, оставшись на попеченіи матери. Подъ ея надзоромъ Д. Н. получилъ серьезное воспитаніе и прекрасное образованіе. Ему давали уроки лучшіе учителя и профессора университетскаго пансіона. Самое сильное вліяніе на него въ дѣтствѣ имѣлъ эмигрантъ графъ де-Фонтенъ, рассказывавшій ему «то о блистательномъ циклѣ французскихъ энциклопедистовъ, восторжествовавшихъ надъ предрассудками вѣка и касты, то о французской литературѣ, имѣвшей въ то время сильное вліяніе въ Европѣ, то, наконецъ, объ ужасахъ революціи». По свидѣтельству его біографа Е. Н. Ковалевскаго, Д. Н. принадлежалъ къ тому русскому коренному дворянству, которое, живя вдали отъ двора, близко знало народъ и его нужды, отличалось любовью къ отечеству и преданностью монархическому принципу. Переѣхавъ въ Петербургъ въ началѣ царствованія императора Александра I-го, когда Россія жила чаяніемъ лучшихъ свѣтлыхъ дней, Д. Н. не могъ удовольствоваться своими служебными занятіями въ коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Съ жаромъ принялся онъ за разборъ всего того, что выходило тогда изъ преобразованія государственныхъ учрежденій, и «громко порицалъ старые порядки». Страстный, рѣзкій въ своихъ сужденіяхъ, онъ вызывалъ во многихъ неудовольствіе. Онъ близко сошелся съ Карамзинымъ, Жуковскимъ и другими выдающимися писателями того времени. Благодаря многостороннему образованію, живости и остротѣ ума, Д. Н. имѣлъ всѣ задатки, чтобы сдѣлаться блестящимъ писателемъ. Служебныя занятія препятствовали ему отдаться этому призванію, но онъ принималъ горячее участіе въ литературномъ движеніи, стремившемся сбросить съ себя старыя, обветшалыя формы ложно-классицизма, и боролся съ Шипковскою славянофиію. Имя Блудова тѣсно связано съ образованіемъ и происхожденіемъ общества «Арамастъ», къ которому примкнуло все, что было въ это время даровитого въ обществѣ и литературѣ. Близкое, можно сказать дружеское общеніе съ передовыми людьми эпохи произвело благотворное воздѣйствіе на Д. Н. Такое же вліяніе, безъ сомнѣнія, имѣло на него и пребываніе на дипломатической службѣ

въ Швеціи и особенно въ Англіи, странѣ съ развитою гражданскою свободою, проникнутой уваженіемъ къ закону. Колѣбали въ направленіи хода нашей внутренней политики не заставили Д. Н. измѣнить дѣлу просвѣщенія. Ему, напр., наши университеты обязаны тѣмъ, что въ тяжелую эпоху 1848-го года они не были закрыты. Нельзя, однако, не считаться и съ вліяніемъ иного порядка. Блудовъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Карамзинымъ, консерватизмъ котораго ярко выразился въ поданныхъ Александру I запискахъ «О древней и новой Россіи» и «Мнѣніе русскаго гражданина»; не даромъ же Карамзинъ нашелъ въ послѣдствіи возможнымъ рекомендовать Д. Н. императору Николаю I, какъ лицо, способное занять мѣсто среди представителей высшей администраціи. Въ царствованіе Николая I Д. Н., въ послѣдствіи графъ, занималъ посты товарища министра народнаго просвѣщенія, министра внутреннихъ дѣлъ, министра юстиціи и, наконецъ, главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, члена Государственнаго Совѣта и предсѣдателя департамента законовъ. Продолжительная работа въ сферахъ высшаго управленія и законодательства Николаевской эпохи, когда всѣ усилія правительства въ области внутренней политики сводились къ проведенію въ жизнь дисциплины, когда стремились каждому указать строго опредѣленное мѣсто, когда отъ каждого требовалось, чтобы онъ мыслить и чувствовалъ согласно предписанію,—не могла не отразиться на настроеніи Блудова. Послѣ выхода въ 1845 г. Уложенія о Наказаніяхъ, которое самъ творецъ его—графъ Блудовъ—признавалъ лишь усовершенствованнымъ сводомъ, было приступлено къ пересмотру судебныхъ законовъ; но намѣченныя тогда гр. Блудовымъ предположенія не выходили изъ ряда частичныхъ улучшеній и носили чисто палліативный характеръ, въ родѣ отмены рукоприкладства, сокращенія числа инстанцій и т. п.

Все измѣнилось въ 1855-мъ году. Императоръ Александръ II былъ проникнутъ горячимъ желаніемъ обновленія Россіи. Настроеніе общества сдѣлалось жизнерадостнымъ и бодрымъ. Можно было бы невольно тогда вспомнить старому Арамасту—графу Блудову—первые годы его дѣятельности, когда русское общество также жило вѣрою въ лучшіе дни. Не было уже и тѣхъ преградъ судебному преобразованію, которыя лежали въ характерѣ внутренней политики Николаевской эпохи. Въ этотъ важный моментъ исторіи Россіи графъ Блудовъ сталъ безъ ко-

Генералъ Дуровъ

